

УДК 316. 334

Святослав Тихонович Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Sviatoslav Kavetsky***PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department for Political Science and Sociology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: kstbrest@mail.ru*

АНОМИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются теоретико-методологические основания социологического анализа аномии. Аномические процессы систематизируются по основным направлениям их изучения, выделяются хронологические этапы, региональные особенности. Проведена реконструкция исторического и социофилософского материала.

Ключевые слова: аномия, отчуждение, мегааномалии, социологический анализ, глобализация, девиантное поведение, солидарность, социальная катастрофа.

Anomy as an Object of Sociological Analysis

The article discusses the theory and methods underlying the social analysis of the anomy. The anomy processes are classified by key study areas, chronological stages are identified, as well as regional specifics, primarily in the transformation society. The historical and socio-philosophical material is reconstructed.

Key words: anomie, alienation, mega-anomalies, sociological analysis, globalization, deviant behavior, solidarity, social catastrophe.

Введение

Исследование теоретико-методологических оснований социологического анализа аномии необходимо структурировать через призму ее системного изучения. Рассматривать аномические процессы необходимо, систематизируя основные направления их изучения, хронологические этапы и региональные особенности, в первую очередь в трансформационном постсоциалистическом обществе, с учетом реконструкции исторического и социофилософского материала. Истоки понятия «аномии» лежат глубоко в структурах мировой цивилизации. Еще в Древней Греции получил распространение термин *anomos*, который обозначал такие понятия, как «беззаконный», «безнормный», «неуправляемый». У Еврипида аномия символизировала жестокость бытия. Платон видел в аномии проявление анархии и неумеренности. В Ветхом Завете аномия связывалась с грехом и порочностью, в Новом Завете – с беззаконием: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф. 24:12), «Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие» (Ин. 3 : 4).

Помимо основополагающих социофилософских идей, связанных с проблема-

тикой аномийных общественных состояний, в исследовании подчеркивается важность учений античных философов (Сократ, Платон, Аристотель), в которых раскрываются гносеологические и онтологические аспекты этического дуализма. Анализируются труды средневековых мыслителей (Августин, Фома Аквинский), социалистов-утопистов (Т. Мор, Т. Кампанелла), философа эпохи Просвещения XVIII в. Ж. Ж. Руссо, классиков философии XVII–XIX вв. (И. Кант, Г. Гегель, Ф. Ницше, К. Маркс), рассматривающих общественные аномалии через призму отчуждения как микроуровня аномии.

Аномия, имея глубокие исторические корни, получила первое подлинно теоретическое осмысление лишь в трудах Эмиля Дюркгейма. Французский ученый использовал этот феномен в своих классических работах: «О разделении общественного труда» (1893), «Метод социологии» (1901) и в наиболее известном исследовании «Самоубийство». Э. Дюркгейму принадлежит роль первопроходца в теоретико-методологическом анализе аномии и ее базовых парадигм. Он связывал ее с различными формами аномалий, в т. ч. с ненормальным разделением труда, неполнотой органической

солидарности, ведущей к девиациям и отклонениям, при этом состояние социума нуждается в коллективном потенциале, стабильном нормотворчестве и ценностных ориентирах.

Р. Мертон анализирует ситуацию как расширение аномии, конфликт рассогласования, конфликт «норм в культуре» между различными стратами социума. Мертон выделяет различные типы поведенческих реакций на аномическое состояние, которые комплексно анализируют противоречие различных конструктов социума: «конформность», «инновация», «ритуализм», «ретритизм» и «мятеж».

Т. Парсонс толковал разнообразные катаклизмы социального равновесия как рецидив недомогания социума. В его трудах «Структура социального действия» (1937), «Социальная система» (1951), «К общей теории действия» (1951), «Социальное действие в условиях человеческого существования» (1978) прослеживается концепция социального действия. Он утверждает: «Главная функциональная проблема касается отношения социальной системы к системе личности, включая обучение, развитие и сохранение на протяжении всего жизненного цикла адекватной мотивации участия в социально признанных и контролируемых моделях действия» [1, с. 796].

Р. Дарендорф, анализируя концепцию социального конфликта, пришел к выводу: «Сегодня появилась еще одна форма воплощения конфликта. Он ныне на линии огня в революционной войне и даже не борьба демократического класса, а аномия» [2, с. 241]. В одном из разделов произведения «Современный социальный конфликт» он пишет об опасности аномии для современного общества: «Исследование социума в 1950–1980 гг. показало, что сегодня явно участились преступления против собственности, преступления, связанные с наркотиками» [2, с. 241].

Ю. Хабермас анализирует аномию как антиномию неотчужденного аномального мироустройства. Травматическое состояние социума он связывает с анализом «тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом европейского общества» [3]. М. Вебер констатирует значимость субъективных подходов, охватывающих социальную сферу индивидов. С одной стороны,

это отражает различные сферы социума, а с другой – социум, являясь объективным фактом, не только формирует личность, но и принуждает ее к чему-либо (Э. Дюркгейм). Таким образом, на их действиях держится основа социума (М. Вебер).

Р. Макайвер раскрывает аномию через призму неразвитых социальных и эмоциональных контактов.

Дэвид Рисмен понимает аномию в качестве неприспособленности человека к жизни в обществе. Причиной такого явления может быть несоответствие характера индивида типичному характеру эпохи, в которой он живет. В типологии Рисмена, индивиды, «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные», встречаются в любом обществе. Таким образом, часть социума, «которая не соответствует типу характера, преобладающего в данном обществе, может быть либо аномичной, либо автономной» [4, с. 287].

Термин *anomie* использовали и Дюркгейм, и Мертон для описания состояния социальной (общественной) «безнормности» применительно к большим или малым общностям. Однако современный американский социальный психолог и социолог Лео Сроул трактует понятие *anomia* как состояние индивидуальной депривации (в отличие от аномии социальных систем в целом). Для целей данной работы это различие имеет принципиальный характер, ибо позволяет анализировать аномичные состояния как со структурной стороны, так и с личностной» [5, с. 190].

Проанализировав современные социологические подходы к аномии, следует отметить ее значительные изменения. В качестве особенности анализа аномии в настоящем можно отметить рассмотрение ее не саму по себе, а в сложных переплетениях с различными социальными явлениями. Ярким примером тому служит XVII Всемирный социологический конгресс (Гетеборг, Швеция, 2010), на котором ни в одном из 11 докладов по данной теме не рассматривалась сама аномия, но при этом она фактически присутствовала.

Анализируя советский период, необходимо отметить, что гуманитарные науки в рамках марксизма-ленинизма на микро-, мезо- и макроуровне не рассматривали проб-

лемы аномии. В идеологической сфере господствовал фрагментарный подход к аномическим процессам. В лучшем случае они изучались как девиации, а в 1930–50 гг. как «родимые пятна капитализма». Научный анализ в социологическом и философском аспектах сводился к изучению нравственных, поведенческих и статистических аномалий личности через специфику общественно-исторического развития.

Гуманное по своей форме марксистско-ленинское мировоззрение через декларации построения справедливого общества определяло любые отклонения в сфере морали, характеризующиеся субъективными причинами поведения людей, и в толковании обществоведов надуманно догматизировались и выводились за рамки самого предмета научного анализа.

В настоящее время тот факт, что социальные деформации необходимо рассматривать в рамках теории социального поведения, не вызывает сомнения. При этом необходимо учесть, что в действительности перечень новых, неизвестных на сегодня факторов, характеризующих аномию, не исчерпан и требует дополнения. Таким образом, можно сделать вывод о недостаточной разработке аномальных теоретико-методологических проблем.

Исследовательские материалы, в разной степени отражающие аномические процессы, на постсоветском пространстве встречаются сравнительно часто. Теоретико-методологический анализ трансформационных процессов на постсоветском пространстве (Беларусь, Россия, Украина) показывает, что «как правило, авторы, редко используя понятие аномии, с разных позиций и в различной интерпретации, по сути, дают характеристику общественных состояний, имеющих ее явные признаки» [6].

Белорусские ученые (Е. М. Бабосов, А. Н. Данилов, Д. Г. Ротман, Н. А. Барановский, Ю. М. Бубнов, С. П. Винокурова, Г. М. Евелькин, В. А. Клименко, О. В. Кобяк, Е. Е. Кучко, С. В. Лапина, С. А. Шавель, Н. Е. Лихачев, А. В. Рубанов, Г. Н. Соколова, Л. Г. Титаренко, И. В. Левицкая, Ю. Г. Черняк и др.) анализируют аномальные состояния в основном через отклоняющееся поведение и широкий спектр девиации, что присуще для аномальных процессов. Российские исследователи изучали

аномальные парадигмы, но не всегда анализировали комплексный характер этого противоречивого социального явления (В. С. Афанасьев, В. М. Быченков, А. Б. Гофман, Я. И. Гишинский, Т. И. Заславская, А. Г. Здравомыслов, В. Н. Кудрявцев, Н. И. Лапин, Ю. А. Левада, В. Г. Семенов и др.).

Новые подходы к изучению социальной аномии и ее производных в 1990-е гг. и в начале XXI в. раскрывают в своих исследованиях Д. Г. Геращенко, С. Г. Кара-Мурза, С. А. Кравченко, В. В. Кривошеев, И. А. Крупский, Н. Н. Мещерякова, Н. П. Нарбут, А. В. Никонова, А. В. Плетнев, Н. Е. Покровский, Ж. Т. Тощенко, О. Н. Яницкий и др.

Украинские социологи Л. Д. Бевзенко [7], Е. И. Головаха и Н. В. Панина [8] проводят социологический мониторинг аномальных общественных состояний.

В исследовании, проведенном эстонским социологом Айли Аарелайд-Тарт, проанализировано развертывание целой серии культурных травм, возникших в XX – начале XXI в. [9].

Аномические процессы характерны и для постсоциалистических стран Европы. Польский ученый П. Штомпка, в частности, рассказывает «о концепции социальной травмы, позволяющей рассмотреть и описать многие негативные процессы в социуме, находящемся на этапе рыночной трансформации при углублении демократических преобразований» [10]. Анализируя социальные трансформации в Польше (и не только современные), по мнению Е. Шацкого, «важно учитывать, феномен религии» [11]. И. Вингендер, анализируя опыт Венгрии, выделяет такую специфику аномальных состояний социума: «Они могут продолжаться длительное время» [12]. Современный анализ социологических подходов к аномии свидетельствует об усложнении ее содержания.

Среди основных факторов глобализации современного мира следует выделить следующие: 1) деятельность транснациональных корпораций (ТНК); 2) финансовые операции международных банков, страховых компаний и других организаций, способных оказывать давление на национальные государства; 3) планетарная система торговых сетей; 4) компьютерное поле, в первую очередь Интернет, оснащенное новыми технологиями и подконтрольными информаци-

онными потоками; 5) вестернизация социокультурного поля; 6) превращение в 1990-е гг. биполярного мира в однополярный.

Среди некоторых причин распада СССР можно назвать следующие объективные причины: а) экономические; б) последствия войн и революций, гонка вооружений; в) национальные проблемы; г) конфессиональные; д) языковые проблемы; ж) территориальные претензии; з) геополитические и т. д. В качестве субъективных причин можно выделить: а) пренебрежение опытом развития народов СССР; б) последствия культа личности И. Сталина; в) бытовой уровень национализма (мифы, слухи, прогнозы, анекдоты и т. д.).

Одним из факторов глобальной нестабильности являются сотрясающие наш мир кризисы, угрозы и катастрофы – от локальных до вселенских.

Территория Беларуси, ее население в XX в. испытали большинство катаклизмов.

Особенно острыми были социальные катастрофы: Первая мировая война (1914–1918), революции (1905–1907, 1917), Гражданская война (1918–1921), раздел страны по Рижскому договору (1921), сталинские репрессии (1930–50), Великая Отечественная война (1941–1945), распад Советского Союза (конец 1980-х – начало 1990-х), глобальная катастрофа в Чернобыле (1986).

Заключение

На протяжении всего периода развития социологии ее исследователи обращались к проблемам общественного развития. Социологический анализ всех сферах социума: экономической, социально-политической, социокультурной – выявляет аномалии. Их место в функционировании какой-либо общественной системы важно не только само по себе, но и как средство для более глубокого, основательного понимания нормального состояния социума.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред. В. Ф. Чесноковой. – М. : Акад. проект, 2002. – 832 с.
2. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт / Р. Дарендорф // Иностран. лит. – 1993. – № 4. – С. 236–242.
3. Habermas, J. The Post-National Constellation and the Future Democracy: Political Essays / J. Habermas ; ed. by M. Pensky. – Cambridge : MIT Press, 2001. – P. 58–112.
4. Riesman, D. The lonely growd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven Yale : Univ. Press, 1950. – 386 p.
5. Покровский, Н. Е. Универсум одиночества / Н. Е. Покровский, Г. В. Иванченко. – М. : Логос, 2008. – 421 с.
6. Кавецкий, С. Т. Аномальные состояния общественного развития: генезис и современность / С. Т. Кавецкий // Социология. – 2015. – № 1. – С. 94–104.
7. Бевзенко, Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Л. Д. Бевзенко. – Киев : Ин-т социологии АН Украины, 2002. – 437 с.
8. Головаха, Е. И. Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. И. Головаха, Е. И. Панина // Вестн. обществ. мнения. – 2005. – № 6. – С. 11–16.
9. Аарелайд-Тарт, А. Теория культурной травмы / А. Аарелайд-Тарт // Социс. – 2004. – № 10. – С. 63–72.
10. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
11. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2002. – 1076 s.
12. Вингедер, И. Аномия и девиация в венгерском обществе / И. Вингедер // Социс. – 2001. – № 3. – С. 84–89.

REFERENCES

1. Parsons, T. O social'nykh sistiemakh / T. Parsons ; pod ried. V. F. Chiesnokovoj. – M. : Akad. projekt, 2002. – 832 s.

2. Darendorf, R. Sovriemiennyj social'nyj konflikt / R. Darendorf // Inostr. lit. – 1993. – № 4. – S. 236–242.
3. Habermas, J. The Post-National Constellation and the Future Democracy: Political Essays / J. Habermas ; ed. by M. Pensky. – Cambridge : MIT Press, 2001. – P. 58–112.
4. Riesman, D. The lonely growd / D. Riesman, D. Reuel, N. Glazer. – New Haven Yale : University Press, 1950. – 386 p.
5. Pokrovskij, N. Ye. Univiersum odinochiestva / N. Ye. Pokrovskij, G. V. Ivanchienko. – M. : Logos, 2008. – 421 s.
6. Kavieckij, S. T. Anomal'nyje sostojanija obshchiestviennogo razvitija: gienezis i sovriemiennost' / S. T. Kavieckij // Sociologija. – 2015. – № 1. – S. 94–104.
7. Bievzienko, L. D. Social'naja samoorganizacija. Sintetichieskaja paradigma: vozmozhnosti social'nykh interpretacij / L. D. Bievzienko. – Kijev : In-t sociologii AN Ukrainy, 2002. – 437 s.
8. Golovakha, Ye. I. Integral'nyj indeks social'nogo samochuvstvija nasielienija Ukrainy do i poslie «oranzhevoj rievoliucii» / Ye. I. Golovakha, Ye. I. Panina // Viestn. obshchiestv. mnienija. – 2005. – № 6. – S. 11–16.
9. Aarelajd-Tart, A. Tieorija kul'turnoj travmy / A. Aarelajd-Tart // Socis. – 2004. – № 10. – S. 63–72.
10. Shompka, P. Social'noje izmienienije kak travma / P. Shtompka // Socis. – 2001. – № 1. – S. 6–16.
11. Szacki, J. Historia myśli socjologicznej / J. Szacki. – Warszawa : PWN, 2002. – 1076 s.
12. Vingender, I. Anomija i dieviacija v viengierskom obshchiestvie / I. Vingender // Socis. – 2001. – № 3. – S. 84–89.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.02.2021